



Дмитрий Красавин

Прости меня, незнакомка

Рассказы и зарисовки

Дмитрий Красавин

**Прости меня, незнакомка.
Рассказы и зарисовки**

«Издательские решения»

Красавин Д.

Прости меня, незнакомка. Рассказы и зарисовки / Д. Красавин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839781-3

В этой книге все перемешано: острые сюжеты и лирические зарисовки, беспечность и мудрость, слезы и смех. Подлинные события покажутся невероятными фантазиями, а вымыслы — истиной в последней инстанции. Смейтесь, плачьте, размышляйте, отдыхайте от трудов праведных, рассматривая великолепную графику Дарьи Федотовой, и просто наслаждайтесь жизнью! Жизнь — это танец, красота которого зависит от умения ловить ритм, а не от того, под чью дудку пляшешь. (Прохожий)

ISBN 978-5-44-839781-3

© Красавин Д.
© Издательские решения

Содержание

Зарисовки	6
Прости меня, незнакомка	6
Из подслушанного	7
Вопрос веры	7
Первая обида	7
Дорога к дому	7
Чуткий Санька	7
Как мама наказывала	8
Вопрос времени	8
О любви	8
В библиотеке	9
1	9
2	9
3	10
4	10
Зеркало	11
Весенняя притча	13
Язык, на котором разговаривают сердца	14
Осенние листья	15
Бабочка	16
Птичка в клетке	17
Две зарисовки из Калькутты	18
Формула счастья	18
Мать Тереза и Рикша	19
Семь зарисовок из Бангалорского Ашрама	22
1. Восхитительный танец	22
2. Медитативный танец с листиками	23
3. Миг и вечность	23
4. Нади-шодхана пранаяма10	24
5. Тихий уголок	24
6. Продавец соков	25
7. Нтаса и Ямини	25
Рассказы	27
Гудок	27
I	27
II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Прости меня, незнакомка

Рассказы и зарисовки

Дмитрий Красавин

Иллюстратор Дарья Федотова

© Дмитрий Красавин, 2017

© Дарья Федотова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-9781-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зарисовки

*Жизнь – это танец, красота которого зависит от умения ловить ритм, а не от того, под чью дудку пляшешь.
Прохожий*

Прости меня, незнакомка

Пытаясь передать показания газового счетчика, сотый раз нажимаю на телефоне кнопку повтора – в ответ короткие гудки. В груди нарастает раздражение – двадцать первый век, а нормальную связь никак не наладят. Пробую набрать номер снова – бесполезно.

Наконец дозвонился.

Пошли длинные гудки.

Я терпеливо жду.

Спустя минуту или две трубку подняли, и – молчание.

– Алло, – кричу. – Примите показания счетчика.

– Вы кто? – раздается в ответ приглушенный расстоянием женский голос.

– Абонент 358672.

– Шпион что ли?

– Фрунзе, 53. Квартира 28, – несет меня по инерции.

В трубке снова воцарилось молчание.

– Алло, вы меня слышите?

– Мне сейчас так плохо. Поговори со мною, – тихо просит незнакомка и еще тише прибавляет: – Пожалуйста.

Я бросаю трубку, с минуту ошалело гляжу на кнопки телефона и вдруг всеми фибрами души осознаю, что только что кого-то предал. У меня просили капельку тепла, капельку участия.

А я...

Судорожно набрав знакомый номер и дождавшись соединения, кричу:

– Алло! Это снова я!

– Горгаз, – устало произносят на другом конце провода.

– Кто?

– Ваш абонентский номер, пожалуйста.

Я тихо кладу трубку на рычажки.

Меня комбинации цифр, бесчисленное число раз пытаюсь повторить случайную ошибку – безрезультатно.

Дважды в одну реку не входят.

Прости меня, незнакомка.

Из подслушанного

Вопрос веры

- Миша, шесть лет, хвастается перед младшим братом:
- Я арифметику знаю, а ты нет...
 - Знаю! – обиженно возражает тот.
 - А скажи, сколько будет – к трем прибавить два?
 - Не скажу!
 - Значит, не знаешь! Не знаешь, не знаешь.... Ха-ха-ха...
 - Знаю, но тебе не скажу!
 - Почему? Ну, почему?
 - Потому, что ты ничему не веришь.

Первая обида

- Кристиночка, ты почему плачешь?
- Меня Мишка назвал мадму-за-зелью-ю-ю-ю...

Дорога к дому

*Нормальные герои всегда идут в обход.
Песня Карабаса-Барабаса из кинофильма «Айболит-66»*

- Из окна на весь двор:
- Миша, домой!
 - Ну, мама... Ну, пожалуйста... Меня выбрали Карабасом-Барабасом.
 - Домой, я сказала!
- Спустя полчаса, на улице.
- Витя, где Миша?
 - Домой пошел.
 - Когда?
 - Как вы сказали, так сразу и пошел.
 - Нет его дома.
 - Так его же Карабасом-Барабасом выбрали.
 - Ну?..
 - Так он в обход. Иначе никак нельзя.

Чуткий Санька

- Дашенька, да ты никак в Саньку влюбилась?
 - А что, заметно?
 - Битый час возле его окон крутишься – как не заметить.
- Чем этот шалопай тебя привлек?
- Он такой чуткий, внимательный – не то что другие!
 - Вот как?

- Я себе косичку сделала как у Дженнифер Моррисон – никто не заметил, а он два раза подбегал и дергал.
- Так больно ж?
- До слез. Я даже стукнула его кулаком... Но приятно.

Как мама наказывала

- Трехлетняя девочка, увлекаемая за руку отцом, кричит на выходе из городского парка:
- Папа, я писать хочу!
- Мужчина, не оборачиваясь:
- Только что спрашивал – не хотела, а сейчас хочешь? Терпи теперь до дома.
- Заметно прихрамывая на одну ногу, он прибавляет шаг.
- Она семенит сзади:
- Я сильно хочу.
- Отец увеличивает скорость.
- Девочка вырывает свою руку и останавливается.
- Мужчина наклоняет лицо к дочери:
- Ну, что еще?
 - Ничего. Мама наказывала, чтобы я тебе не позволяла с больной ножкой бегать, а ты бежишь.
 - Так ты же писать хочешь!
 - Не буду хотеть. Подожди... Вот, сейчас.
- Под сандалиями девочки появляется маленькая лужица.
- Она вздыхает и, поднимая глаза к отцу, говорит:
- Теперь можно не спешить, пойдем тихо, как мама наказывала.

Вопрос времени

- Давай я буду папой, а ты – мамой!
- Девочки не могут быть папами.
- Могут, могут!!!
- Нет, не могут!
- Могут, только им время жалко!
- Как это???
- Ну, мамы раскрасятся, нарядятся – и все, а папам еще отдыхать надо.

О любви

- Соседка угостила пятилетнего малыша пончиками и, наблюдая, как тот с аппетитом глотает третий пончик подряд, поинтересовалась:
- Любишь пончики?
 - Очень!
- Игриво:
- А меня?
 - И вас.
- Минуту спустя, серьезно и задумчиво:
- А за что ты меня любишь?
 - За пончики!

В библиотеке

1

- Помогите мне найти Карлоса.
- ???
- Ну, как его?..
- Кастанеду?
- Нет.
- Руис Сафона?
- Другого.
- Хуан Карлоса?
- Да нет же!
- Может, вы Карла с Карлосом путаете? Карл Линей? Карл Великий?
- Вы сами меня запутали. Который из них живет на крыше?
- Карл Маркс! – неожиданно для всех (да, пожалуй, и для себя), возвысив голос, отвечает библиотекарь.

2

Запросы следующего читателя оказались более экзотичными.

- «Шанель», пожалуйста.
- Здесь библиотека, девушка.
- Ну?
- Что «ну»?
- «Шанель» Гоголя.



3

- У вас «Война и мир» в сокращении есть?
- ???
- Ну так, чтобы страничек на десять – и все ясно.
- Что «все»?
- Ну, кто с кем, когда и где – без лирики, только суть.
- Суть и сокрыта в лирике, сюжет – всего лишь каркас.
- Тогда мне каркас без сути. Хочу парня эрудицией сразить, чтоб помягче был, повнимательней, чтоб зауважал.

4

Библиотекарь в читальном зале подходит к одному из столов и шепчет сидящей за ним девочке:

- Машенька, пожалуйста, не читай так громко – ты мешаешь читать другим.
- А я негромко не умею, – также шепотом отвечает Машенька.
- Тогда читай про себя. Договорились?
- Договорились – про себя даже интереснее.
- Ну и умница!

Библиотекарь на цыпочках отходит от стола. Машенька громким шепотом окликает ее:

- Вера Павловна, а вы пальчиком, пожалуйста, покажите, где тут в книжке про меня написано.

Зеркало

В гостиной одного старинного особняка висит зеркало.

Если смотреть из левого угла гостиной, то в нем отражаются портреты предков гостеприимного хозяина, его дальних и близких родственников.

Если перейти в правый угол гостиной, то в зеркале отразятся украшающие левую стену гостиной гобелены с видами Италии.

Если дверь в гостиную открыта, то поднимающийся по парадной лестнице гость, когда он еще только ступил на первую ступеньку, видит в зеркале побеленный потолок и двух гипсовых ангелочков, удерживающих своими пухлыми ручками массивную цепь бронзовой люстры. А сами ангелочки, будь они живыми существами, увидели бы в нем низ отворенной двери и поднимающегося по парадной лестнице гостя.

Различные наблюдатели могут смотреть в одно и то же зеркало одновременно, но каждый из них будет видеть в нем лишь то отражение, которое соответствует его углу зрения.

Бесчисленные отражения живут в зеркале, не перемешиваясь и не противореча друг другу.

Истинность одного несколько не умаляет истинности другого.

Я представляю, какой в этом доме возник бы переполох, если бы каждый из наблюдателей допускал истинность только своего угла зрения.

– О каких гобеленах может идти речь? – искренне удивлялся бы, стоящий на нижней ступеньке лестницы гость. – Я вижу своими глазами, что в зеркале отражаются ангелочки с цепью!

– Какая цепь? Какие ангелочки? Из зеркала на нас смотрит образ моей прабабушки, запечатленный на портрете художником Воронцовым! – гневно возмутился бы хозяин.

А его жена упрямо и настойчиво призывала бы всех честно и откровенно признать, что в зеркале отражаются итальянские гобелены.

В конце концов, для примирения сторон кто-нибудь предложил бы разбить зеркало.

Слава Богу! Оно до сих пор цело.

Общественное сознание подобно несравненно более сложному, более совершенному зеркалу, чем то стекло с отполированной поверхностью, которое висит в гостиной старинного особняка.

Но почему так много в мире людей, искренне полагающих, будто тот образ мира, те идеалы общественного устройства, которые видят они, в равной степени должны восприниматься и всеми другими?

И спорят до хрипоты...

И летят камни...

– Только иудеи хранят чистоту древней веры, христиане и мусульмане отпали от нее, подменив бога лжепророками.

Дзин-н-нь!

– Ислам – последнее, наиболее совершенное слово Бога. Иудаизм и христианство – анахронизмы.

Дзин-н-нь!

– Только шииты – истинно правоверные мусульмане, ибо они признают Али ибн Абу Талиба и его потомков единственно законными наследниками и духовными преемниками пророка!

Дзин-н-нь!

– Только сунниты – истинно правоверные мусульмане, ибо они признают духовными преемниками пророка первых четырех халифов – Абу Бакра, Умара, Усмана и Али!

Дзин-н-нь!

– Православие – единственная истинная церковь, обладающая полнотой и чистотой церковной истины в Духе Святом. Остальные христианские церкви ущербны и неполны, так как откололись от церковного единства.

Дзин-н-нь!

– Монархия – единственная богоугодная форма государственного правления, республика – «выдумка дьявола», поэтому в либерально-демократических странах происходит размывание понятий добра и зла.

Дзин-н-нь!

– В странах с либерально-демократическими формами правления закон превалирует над прихотями правителей. Экспорт демократии и либерализма путем явной или скрытой поддержки освободительных движений – нравственный долг свободных граждан перед угнетенными народами других стран.

Дзин-н-нь!

Камни рикошетят, попадают вместо одной цели в другую, иногда ударяют по тем, кто их метнул.

Чего кажется проще – поднимись по лестнице, посмотри в зеркало с правой стороны, потом брось взгляд слева. Если простое стекло может одновременно вмещать бесконечное число различных изображений, то неужели в человеческом обществе многообразие взглядов, мнений, желаний, религий, культур, государственных устройств, обычаев, укладов жизни непременно должно означать наличие непримиримых противоречий? И всего-то дел – признать многообразие нормой, гарантией от скуки и застоя, достоянием человечества... Разве это не так?

Но камни летят и летят.

Сколько их еще припрятано за пазухами? Когда же мы все поумнеем и поумнеем ли вообще?

Весенняя притча

Под крышей полуразвалившегося сарая лежал камень.

Он был большой и мудрый. Лежал, как и положено камню, всю зиму на одном месте, взирав на окружающий мир через призму пронсящихся над ним тысячелетий.

Пришла весна.

Над камнем поселилась хрупкая и капризная сосулька.

То ли камень не тем боком повернут был, то ли еще что не так, но он ей сразу не понравился.

Ухватившись покрепче за кусок старого рубероида, сосулька вытянулась своим длинным носом к его центру и стала капать.

Вначале изредка, прицеливаясь и как бы стараясь насладиться произведенным эффектом.

Камень не реагировал.

Он ее просто не замечал!

Она стала капать чаще...

Еще чаще...

Дальше – больше. Ближе к полудню капли слились в непрерывный ручеек, и... сосулька вся на воду изошла.

Камень лежит как прежде – чистый, безгрешный – и нежится в лучах теплого апрельского солнышка. Как будто никто на него и не капал.

Все сиюминутное подобно тающей на солнце сосулке. Кто осознал это, тот в любой ситуации чист, безгрешен и поэтому способен наслаждаться жизнью. Даже если на него капают.

Язык, на котором разговаривают сердца

Помнишь тот вечер, когда ты сказала, что хочешь серьезно поговорить со мной касательно наших отношений и вообще?

Мы довольно долго сидели на скамейке рядом с солнечными часами.

Потом бродили по аллеям парка.

Ты все говорила и говорила.

Ты произносила много слов.

Их можно было потрогать, взвесить, растянуть, сжать...

Ты говорила очень логично и убедительно.

Мы спустились к берегу моря.

Около воды лежала оброненная кем-то веточка сирени.

Я поднял ее, окунул в сиреневый запах свое лицо. Потом одной рукой обнял тебя и обвел веточкой два круга над нашими головами.

– Я в чем-то не права? – отклонившись от меня, обеспокоенно спросила ты.

Я не ответил. Положил веточку на песок и, запрокинув голову вверх, стал смотреть на океан звезд.

Ты замолчала и тоже запрокинула голову вверх.

Я нашел твою руку.

Взявшись за руки, мы слушали дыхание моря, отдаленный шум города, шепот звезд – и молчали.

Помнишь тот вечер?

Мы тогда впервые научились понимать друг друга. Потому что единственный язык, на котором разговаривают сердца, – молчание.

Если хочешь поговорить по душам – давай и сейчас немного помолчим.

Осенние листья

*Как пчелы, собирайте мед из каждого события, каждого момента
и двигайтесь дальше.*

Шри Шри Рави Шанкар

Я нажал на педаль тормоза. Машина послушно остановилась перед светофором.

Тотчас же о ветровое стекло ударился сморщенный желтый лист, чем-то напоминающий удивленное человеческое лицо, и, раздираемый любопытством, принялся бесцеремонно разглядывать пассажиров на заднем сидении. Затем затрясся, задрожал, скользнул вправо, сделал круг по периметру стекла, резко взмыл вверх и спикировал на стоявшего во втором ряду опея.

Несколько секунд, замерев на одном месте, он пристально всматривался в лица сидящих там людей. Потом что-то более привлекательное вновь заставило его подняться в воздух и устремиться на красный свет через перекресток к противоположной стороне дороги...

Зажегся зеленый. Я выжал сцепление, нажал на газ.

То ли старый знакомый, то ли новый листик судорожно чиркнул по стеклу.

Неожиданно подумалось: «А чем осенние листья отличаются от людей? Не подобны ли вихри наших бесчисленных желаний осеннему ветру? И носимся мы, гонимые ими по всему свету».

«Вот оно – нашел! Нет, не то. Этого я не хочу. Надо туда. Нет, лучше туда».

Нам кажется, что мы свободны, что сами выбираем, как и куда лететь. Но разве человек и его мимолетные желания – одно и то же? Разве человек по своей сути не является чем-то большим?

Природа¹ подарила нам этот мир, это тело и все необходимое для жизни. Каждый миг бытия исполнен совершенства. Надо лишь погрузиться в него всем своим существом, не пройти мимо, не упустить его красоты.

Но гонимые ветром желаний, мы судорожно высматриваем что-то большее в будущем, упуская саму жизнь – настоящее. Как будто не доверяем Тому, Кто нас создал, считаем себя обделенными.

И эта философия обделенных, обманутых, а потому неблагодарных, завистливых существ почти повсеместно доминирует.

Разве я не прав?

Но ведь свобода не в том, чтобы тащиться по миру на поводках бесчисленных, постоянно меняющихся желаний, а в том, чтобы в любых условиях и при любых обстоятельствах оставаться собой, выразить свою суть.

Понимание своей бесконечной, вневременной сути называется мудростью.

Мудрость рождает благодарность.

Благодарность – мать радости и бескорыстного служения.

Жизнь – это праздник, если она вращается по орбитам мудрости. Когда человек живет, отыскивая мед даже в самых горьких моментах бытия, то все, в чем он нуждается, приходит как бонус к главному – любви и благодарности.

Ветер играет над дорогой осенними листьями – швыряет вверх, собирает в стаи, разбрасывает по сторонам...

¹ Природа, Бог, Высший разум, Христос, Аллах, Иегова, Брахма – дело не в том, как называть, а в понимании того, что стоит за именем или названием.

Бабочка

...деревья, ветер, все существа общаются с вами.

Шри Шри Рави Шанкар

Над лугом порхала бабочка.

Легкие, напоминающие по форме лепестки розы, крылышки нежно переносили ее с одного цветка на другой.

В этом воздушном танце невозможно было уловить никакой последовательности, никакого смысла.

Она не помнила, откуда прилетела.

Не представляла, куда полетит в следующее мгновение...

Она жила своим танцем, соединяя его с дуновением ветра, ароматом луга, покачиванием травы.

Потому, что не отделяла себя ни от этого мира, ни от его Творца.

Устав кружить, она присела на полураскрывшийся бутон колокольчика и замерла.

Осторожно сняв с головы шляпу, я подкрался к бабочке.

Еще мгновение, и...

Не знаю, что меня остановило.

Откуда-то вдруг пришло понимание, что этого делать нельзя.

Я присел в траву на расстоянии вытянутой руки от нее.

Она пошевелила усиками, расправила крылья – на сочном багряном фоне четыре темно-фиолетовых глаза, по два на каждом крылышке.

– Ва-а-у... – прошептал я и сложил ладони перед грудью: —

Намасте².

– Намасте! – сложила она в ответ крылышки за спиной.

Тотчас вновь раскрыла и, отдаваясь воле легкого ветерка, устремилась к небу.

² «Намасте» – приветствие и прощание в Индии, произошло от слов «намах» – поклон, «те» – тебе. Намасте как жест представляет собой соединение двух ладоней перед собой. В широком смысле означает: «Божественное во мне приветствует и соединяется с божественным в тебе».

Птичка в клетке

Соседскому мальчику подарили птичку в большой клетке с позолоченными прутьями. Неделю или две он наслаждался общением со своим пернатым другом. Но, в конце концов, из чувства сострадания решил выпустить птичку на свободу.

Он поставил клетку на балкон, открыл в ней дверку, а сам вернулся в комнату и стал через стекло наблюдать, как его друг будет прощаться со своей позолоченной тюрьмой.

Вначале «друг» долго и придирчиво осматривал балкон и распахнутое над клеткой небо, потом несколько раз опасливо высовывал наружу голову, суетливо вращая ею во все стороны – нет ли во всем этом непривычном для него окружении какого-либо подвоха, и, наконец, вот он долгожданный миг – выпрыгнул через дверку на пол балкона, взмахнул крыльями и взвился в небо. Но не тут-то было.

Не прошло и минуты, как он вновь спустилась на балкон и поспешно запрыгнул в клетку.

Последующие попытки выпустить «друга» на свободу оказались такими же безуспешными.

Пернатый явно выказывал предпочтение хоть и тесной, но обжитой, «родной» клетке перед необъятными просторами внешнего мира.

Так и ум человека, соорудивший для себя клетку из прошлых обид, побед, поражений, никак не решается с ней расстаться.

Дверь открыта – лети! Весь мир открыт перед тобой! Но...

Знания и практики помогают нам очистить ум, восстановить эмоциональное равновесие – открыть дверку клетки. Но летать на воле или цепляться за золотые прутья клетки, каждый решает сам. Ни Бог, ни Гуру, ни родители не могут сделать за нас выбор. Не так ли?

Две зарисовки из Калькутты

Формула счастья

Имейте смелость принимать каждого человека таким, какой он есть.

Мать Тереза Калькуттская

Быть в Калькутте и не посетить монастырь Матери Терезы – это нонсенс. Поэтому, несмотря на плотный график различных мероприятий, включенных в программу поездки по Индии, мы с Ириной (инструктор «Искусства жизни» из Подмосковья) на второй день пребывания в городе в шесть часов утра отправились в монастырь.

При входе нас встретила доброжелательная, улыбающаяся монахиня, лицо которой светилось вселенской любовью ко всем и каждому. Она ознакомила нас с правилами посещения монастыря, показала, какие комнаты открыты для паломников и туристов.

Мы преклонили колени и постояли в молчании перед плитой, под которой покоится прах матери Терезы. Затем осмотрели комнаты с многочисленными стендами, фотоальбомами, картинами. Побыли в тишине маленькой тесноватой кельи, в которой жила, работала, принимала гостей мать Тереза...

В небольшом фойе перед выходом из монастыря нас вновь встретила улыбчивая монахиня. Завязался разговор о монастыре, о матери Терезе.

Узнав, что мы русские, женщина перешла с английского на русский.

Я спросил ее, где она научилась так превосходно говорить по-русски.

Она ответила, что до Индии много лет проработала в Казахстане.

– А почему решили из Казахстана перебраться в Калькутту? – поинтересовался я.

– Я никогда не решаю, где жить и работать, – для этого есть Папа, – ответила она.

– Но ведь это ужасно, когда кто-то другой, пусть даже очень уважаемый, распоряжается твоей судьбой! – вступила в разговор Ирина.

Монахиня рассмеялась:

– Ужасно, когда твою судьбу решает нечто временное, непостоянное – соображения выгоды, эмоции. А я от всего этого далека, так как отдала себя в руки Господа. Он мой возлюбленный. Что в этом мире и за его пределами может быть надежней и крепче Его любящих рук? Я нахожу Его везде и в каждом. Я люблю, и я любима. Разве это ужасно?

Мы стали рассказывать ей об «Искусстве жизни».

Она сказала, что знакома со многими местными учителями нашего фонда, а его основателя Шри Шри Рави Шанкара³ или Гуруджи, как его чаще называют последователи, любят и уважают во всех штатах Индии.

– Людей доброй воли роднит общность цели – через служение, через возвеличивание роли общечеловеческих ценностей приблизить этот мир к Богу.

Я поправил ее:

³ Шри Шри Рави Шанкар (последователи также называют его Гуруджи) – основатель и руководитель международного фонда «Искусство жизни», обладатель множества международных наград, почетный доктор, профессор ряда университетов. Активно участвует в миротворческих процессах в горячих точках планеты. В межрелигиозных диалогах на высшем уровне поднимает вопросы искоренения гендерного неравенства, кастовости и дискриминации. «Весь мир – одна семья, – утверждает Гуруджи. – Разнообразие языков, религий, национальностей – наше общее богатство, а не повод для раздоров». Практическим выражением этого послания стали организуемые фондом «Искусство жизни» фестивали культур народов мира. На последнем таком фестивале в 2016 году собралось более 3,5 миллионов человек из 154 стран мира. Прямая телевизионная трансляция из Дели осуществлялась в 185 странах.

– К Божественному невозможно приблизиться, так как Оно – сердцевина каждого мига бытия. Надо лишь научиться видеть Его.

Монахиня ответила, что это не меняет сути: слова разные, а то, что стоит за ними, что выше любых слов, – чувства, намеренья, дела, – у нас сходно.

Ирина сделала ей комплимент, что мало встречала в своей жизни людей столь светло, привлекательно улыбающихся, столь открытых.

Монахиня оставила комплимент без ответа.

Вытащив из чехла фотоаппарат, я спросил:

– Можно я вас сфотографирую? Над вашей головой сияет нимб с надписью «я очень счастлива».

– Монахиням не пристало фотографироваться без благословения игуменьи, – отказала она.

– Что делает вас такой счастливой? Можно это как-то сформулировать? – спросила Ирина.

Монахиня снова рассмеялась:

– Я не знаю никаких формул! – помолчала, задумавшись, и тут же вновь просияла улыбкой. – Впрочем, кое-что для вас найдется.

Она взяла со столика в фойе два флайера с фотографиями матери Терезы и протянула нам:

– Здесь записана искомая вами, проверенная временем и опытом тысяч людей «формула счастья».

Я взял флайер.

На оборотной стороне фотографии знаменитой на весь мир монахини было напечатано: «Плод **ТИШИНЫ** – Молитва.

Плод **МОЛИТВЫ** – Вера.

Плод **ВЕРЫ** – Любовь.

Плод **ЛЮБВИ** – Служение.

Плод **СЛУЖЕНИЯ** – Душевный покой».

Чуть ниже рукой матери Терезы было приписано: «Бог благословляет вас».

Мать Тереза и Рикша

Калькутта – один из беднейших городов Индии. Но за те три дня, что мы провели в нем, нам не встретилось ни одного нищего, требующего подачек в обмен на демонстрацию своих увечий. Зато на улицах было полно рикш. Не моторикш, привычных по улицам Мумбая или Бангалора, и даже не велорикш, наводнивших Дели, а рикш в их исходном понимании – обожженных солнцем индусов, вручную волокущих по улицам телеги с восседающими на них клиентами. Иной раз какой-нибудь жилистый паренек, согнувшись к тротуару под углом сорок пять градусов, перевозил на своей тележке по шесть-семь клиентов разом, целые семьи, с чемоданами, всевозможными коробками, мебелью...

Мы с Ириной выходили на улицу из дверей монастыря Матери Терезы. Светлый образ этой женщины еще парил над нашими головами. Беззаветное служение больным, обездоленным, неимущим. Служение без малейшей примеси корысти – как естественная потребность любящей души в самовыражении. Что может быть более возвышенное? Сотни тысяч спасенных от голода и болезней. Символ милосердия, сострадания...

И тут мы увидели рикшу – пожилого, с поседевшими волосами индуса. Он сидел на тротуаре на другой стороне улицы, привалившись спиной к колесу тележки, и ожидал клиентов.

– Ира, – осененный внезапно возникшей идеей, обратился я к своей спутнице. – Этот человек не сломался под ударами судьбы, не стал попрошайкой. Он зарабатывает на хлеб своим

нелегким трудом. Его необходимо поддержать. Честный труд, честный заработок – в этом нуждается Индия, в этом источник ее будущего материального процветания. Ты согласна?

Ира рассеянно посмотрела на меня, но ничего не ответила.

– Давай найдем его, – предложил я. И в ответ на ее удивленно приподнявшиеся брови пояснил: – Мы заплатим ему не нищенские тридцать рупий, а пятьсот или даже тысячу – как оценили бы такой труд по европейским меркам. Он довезет нас до гостиницы. Я плачу. Я приглашаю тебя прокатиться на рикше!

Я ступил с тротуара на проезжую часть, уже намереваясь перейти дорогу, но она легонько коснулась рукой моего плеча:

– Постой, ты вполне отдаешь отчет тому, что сейчас предложил?

– Конечно! – обернувшись, ответил я и стал развивать свою мысль дальше. – Подавая милостыню, мы развращаем людей, а поощряя честный труд...

– Я не о том, – перебила меня Ира. – Представь себе на миг, что ты – мать Тереза.

– Ну?

– Мать Тереза, которую везет по городу впряженный в тележку человек.

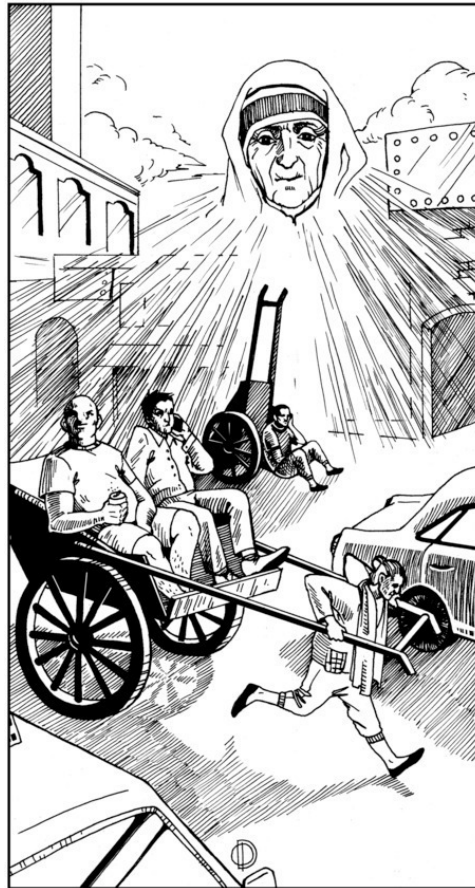
– И что?

– Представил?

– Мы... – все еще окутанный флером своей идеи, начал было я, и вдруг осекся, представив согнутого под углом сорок пять градусов индуса с поседевшими волосами, впряженного в громоздкую телегу. Натруженные ноги с выпуклыми прожилками вен, мозоли на плечах, покрытый потом лоб. А на телеге, которую он тянет по многолюдной улице, восседает мать Тереза, приветствуя поднятой ладонью кланяющихся ей с тротуаров горожан...

Вот она раздаст голодающим рис. Вот меняет прокаженному белье и обрабатывает раны целебной мазью. Дежурит у кровати умирающего от рака ребенка...

Но мать Тереза, восседающая на рикше? Что-то мерзкое, отвратное открывалось в этой картине.



И в этот момент, словно иллюстрация к нашему диалогу, на дороге показался очередной рикша. Он довольно бодро тянул за собой тележку, на которой восседала пара европейцев. Молодые парни потягивали из баночек пиво, чему-то улыбались, изредка посматривали по сторонам, любуясь достопримечательностями, и вели неспешный разговор. Возможно, логически безупречный, о том, как это здорово – поощрять честный труд индусов.

В равной степени изумленный и тем, как легко можно обмануться убедительностью логики, и тем, насколько она беспомощна, когда дело касается нравственных вопросов, я шагнул обратно с проезжей части на тротуар.

До гостиницы, которая находилась в трех кварталах от монастыря, мы шли пешком.

Семь зарисовок из Бангалорского Ашрама

1. Восхитительный танец

*Восхищение показывает величие того, кто восхищается.
Шри Шри Рави Шанкар*

На занятиях после полудня Кришан Верма⁴ говорил о пяти первоэлементах, являющихся основой всего мироздания, об их взаимосвязях, переплетениях и о том, как важно с любовью и благодарностью принимать все, что дает нам мир в наших ощущениях.

Потом началась йога.

Температура воздуха на улице была далеко за тридцать. Какой она была под раскаленной солнцем крышей Ягнашала мантапа, я не знаю, но уж никак не меньше +40С.

Мы начали с легкой разминки, перешли к «Приветствию Солнцу⁵» с многократными повторениями и отжиманиями от пола.

Кришанджи сказал, что сейчас в «Мантапе» доминирует элемент огня и мы его должны принять.

Пот катился ручьями, но протестовавшее поначалу тело с каждым кругом «приветствия» все более размягчалось, становилось легким, гибким, радостным.

Небольшая передышка. Ум возликовал: «Сейчас будет Йога-нидра!»⁶

Кришан поднял вверх левую руку:

– На вдохе тянемся левой рукой вверх, на выдохе расслабляемся, опуская вниз правую.

Все ясно, покой нам только снится – предшествовавшее было искорками, настоящее пламя разгорается сейчас.

Где-то вдалеке пророкотал гром, коснулся краешка сознания и растворился в его необъятных просторах. Бесконечность мира и бесконечность сознания слились в изначальном единстве. Никаких мыслей, никаких воспоминаний – наклон вперед, держим спину прямо...

Потоки дождя хлынули на землю, когда мы уже были на выходе из Шавасаны⁷. Занятия окончены. Элемент огня сменился не менее интенсивным элементом воды. Настоящий тропический ливень – отдельных капель просто не существовало. Плотные сильные струи, неистово вонзающиеся в землю.

– Вау! – восхищенно произнес Кришан, поднял ладони вверх и шагнул наружу.

Его белые одежды вмиг намокли, плотно облекая тело.

Обратив лицо к небу, он принялся танцевать.

⁴ Кришан Верма, которого называют также Кришанджи, по образованию инженер-электроник (выпускник Технического университета Новой Шотландии, Канада) в 2001 году ушел с государственной службы, чтобы целиком посвятить себя фонду «Искусство жизни». Был президентом фонда в Канаде. В настоящее время является директором по исследованиям в области йоги VVM в Индии и инструкторским программам по Шри Шри йоге. Ему присвоены звания Йогачарья и Йогаширомани – высочайший учитель йоги.

⁵ Приветствие Солнцу – одна из самых популярных практик в йоге, в которой различные асаны последовательно перетекают одна в другую.

⁶ Йога-нидра – психотехника, разработанная в середине XX века на основе исследований физиологии мозга и древних йогических практик. Связана с последовательным переключением внимания на различные части тела, что вызывает глубокое медитативное состояние и способствует снижению напряженности, беспокойства. Вегетативные симптомы высокой тревожности, такие как головная боль, головокружение, боль в груди, учащенное сердцебиение, повышенная потливость, боли в животе, хорошо устраняются. Эту практику называют йогическим сном.

⁷ Шавасана – завершающая поза, поза сна в практиках йоги.

Удивленные, восхищенные в равной степени и ливнем и танцующим Кришанджи, мы на некоторое время застыли в оцепенении, а потом дружно выбежали под дождь, окружая танцующего Мастера плотным кольцом и с восторгом присоединяясь к танцу.

Так же самозабвенно, как несколько минут назад принимали элемент огня, мы принимали теперь элемент воды и, мигом промокшие с головы до ног, радовались как дети, вновь ощущая приливы энергии, свежести, чистоты...

Поверьте – это был восхитительный танец!

2. Медитативный танец с листиками

Индианка лет шестнадцати в красивом разноцветном сари подметает пол в Вишалакши мантапе⁸. Кончиком пальмового веника она грациозно дотрагивается до двух маленьких листочков, лежащих на мраморных плитах, и, не сгибая спины, с высоко поднятой головой, не торопясь, тянет их вверх по длинной наклонной плоскости в направлении бокового входа в мантап.

Один из листочков ускользает из-под пальмовых веточек и скатывается вниз.

Девушка оставляет второй лист на середине пути, возвращается за первым, подхватывает его кончиком веника и с тем же изяществом, скользящим в каждом движении, тянет вверх.

Легкий ветерок из открытых дверей мантапа трогает ранее оставленный листок, и тот плавно скатывается вниз.

Проводив его взглядом, девушка оставляет первый лист на наклонной плоскости, возвращается за его скатившимся вниз собратом, подхватывает кончиком веника...

Легкий ветерок из открытых дверей мантапа трогает оставленный ею ранее на полдороги листочек, и он...

Медитативный танец с листиками продолжался бы, наверно, вечность, если бы на двадцатом или тридцатом заходе к девушке не подошла ее подружка.

Она подняла листики и положила в ведро с мусором.

Жаль, красивое было зрелище.

3. Миг и вечность

Каждый раз, присутствуя на пуджах⁹, я поражаюсь тому, с какой тщательностью, с каким вниманием взрослые люди относятся к, казалось бы, детским забавам.

Пуджа подходит к концу. Минут через двадцать все покинут Ягнашала мантап, а Гуруджи весь ушел в процесс украшения алтаря: распрямляет лепестки лотоса, обвивает размещенные на алтаре предметы гирляндами цветов. Он на 100% погружен в то, что делает. Но кому, как не ему, знать, что все это временно, что все цветы спустя каких-то полчаса будут брошены обратно в корзины?

Красота на миг... Божественное в ней не нуждается. Божественное в своей полноте уже имеет все.

Красота на миг... Для кого она?

⁸ Вишалакши мантап – большой медитационный зал в Бангалорском ашраме, построенный в форме цветка лотоса. «Вишал» означает «широкий», «акши» – «глаза». Объединенные оба слова – «широкое видение». По замыслу создателей, мантап (зал – в переводе с каннада) – это такое место, в котором медитирующие видят мир и все происходящее в нем в более широкой перспективе.

⁹ Пуджа – древний обряд, в котором Божественному образу делаются подношение пищи, воды, благовоний, цветов и других элементов. Смысл пуджи не в задабривании Божественного (Оно ни в чем не нуждается), а в выражении благодарности. Сердце, исполненное благодарности, – основа духовного и физического здоровья человека.

И тут же приходит ответ – для нас самих. Миг и вечность соединяются там, где 100% внимания направлены на созидание прекрасного. «Ничего нет за пределами настоящего момента. Даже будущее и прошлое находятся в настоящем моменте» (*Шри Шри Рави Шанкар*). Независимо от того, будет это прекрасное в материальном мире существовать секунду или столетия, слившись с ним в миге настоящего, человек соединяется с Богом.

Поэтому, наверное, здесь, в ашраме, так много вокруг счастливых, светлых лиц. А в небе по вечерам летают ангелы.

4. Нади-шодхана пранаяма¹⁰

В переполненном Ягнашала мантапе, среди тысяч паломников, приехавших в Ашрам со всех уголков мира, на стульчике для медитации сидит мужчина лет сорока. На покрытом мистрой полу позади стула аккуратно сложены: бутылка с водой, бейджик-пропуск и портмоне с выглядывающими наружу стодолларовыми купюрами.

Мальчики в алтарной части начинают речитативом петь мантры.

Мужчина закрывает глаза, складывает большой и указательный пальцы левой руки в чин-мудре, правую ладонь подносит ко лбу и уносится вместе со звуками мантр за пределы этого мира, оставляя в нем все прошлое, бутылочку с водой, бейджик-пропуск, портмоне с выглядывающими наружу стодолларовыми купюрами...

Ведь это все такие мелочи! Не правда ли?

Ловлю себя на мысли, что, к сожалению, мне самому еще расти и расти до такого безграничного доверия к окружающему миру. А без доверия возможно ли в нем счастье?

5. Тихий уголок

На сатсанге¹¹ вечером в Ягнашала мантапе я хотел немного помедитировать под звуки баджан и отделился от интернациональной группы, облюбовав место в относительно свободной части мантапа – с правой стороны от алтарной части, там, где во время проведения хом¹² обычно размещаются те, кто заказывают санкальпы¹³.

Рядом со мной оказался высокий улыбчивый паренек из России – Сергей. Он первый вскакивал со своего места при ускорении ритма баджан, приветственно хлопал ладонью по плечам всех присоединявшихся к танцу индийцев и довольно быстро стал неформальным лидером нашего уголка. Его неумная энергия, открытость привлекли в наш уголок еще с полсотни таких же энтузиастов.

Я поймал себя на мысли, что среди «своих» в интернациональной группе медитировать было бы удобнее, и вдруг увидел, что Сергей организывает в нашем уголке нечто вроде «паровозика». Высоко взметнув руки вверх, он зигзагами передвигался среди танцующих, призывая всех присоединиться.

Позади Сергея, положив руки на его плечи, мелкими шажками семенила невысокая черноволосая китаянка, за ней человек пятнадцать индийцев. Внимая призывам «машиниста», количество «вагончиков» стремительно нарастало.

Когда все желающие присоединились к «паровозу», Сергей направил состав к центральной части мантапа.

¹⁰ В практике йоги считается, что Нади Шодхана пранаяма гармонизирует работу левого и правого полушарий мозга и очищает тонкие пранические каналы, по которым в теле человека циркулирует жизненная энергия – прана.

¹¹ «Сатсанг» – в переводе с санскрита означает «общение мудрецов» или попросту «духовный кружок». На сатсангах в Бангалорском ашраме собравшиеся поют баджаны, танцуют, совместно медитируют, общаются с Мастером.

¹² Хомы – обряды, в которых посредником между людьми и Божественным является огонь.

¹³ Санкальпа – намерение, желание, осуществлению которого способствуют, в частности, хомы.

Наш уголок неожиданно снова стал самым спокойным местом.
Мысленно послав благодарность Сергею, я сел на полу в позе лотоса.

Где-то вдалеке послышалось призывное «Ту-ту-у-у...».

«Ганеша шаранам, Ганеша шаранам», – раздалось в ответ из динамиков.

Я закрыл глаза и уже почти стал Ганешей, когда вдруг почувствовал, как многочисленные колени, сари, пенджаби касаются моих плеч, затылка... Кто-то, теряя равновесие, оперся ладонью о мою голову.

С трудом распрямляя стопы, я встал, поднял руки вверх и медленно открыл глаза.

В Питере, в вагоне метро в час пик было чуть-чуть свободнее. Метрах в десяти от меня из толпы выглядывало улыбающееся лицо Сергея. Ах, вот в чем дело! Человек двести он увел за собой в центр, там к «паровозу» прицепилось еще пятьсот «вагончиков», и теперь все они здесь, в нашем «тихом уголке».

Моего мизинца коснулись пальцы китайки, к другой руке потянулась рука индийца.

«Ганеша шаранам, Ганеша шаранам».

Весь зал, став единым целым, закачался в такт баджане.

Я снова закрыл глаза – оказывается, можно медитировать не только в позе лотоса.

Сатсанг набирал силу.

6. Продавец соков

Во второй день Наваратри¹⁴ рядом со зданием столовой стали продавать соки, выжатые из свежих фруктов.

За соками выстроилась очередь – человек пятнадцать.

Вдруг со стороны ворот, отделяющих территорию столовой от улицы, послышались восторженные возгласы индусов: «Гуруджи! Гуруджи! Гуруджи!»

Продавец соков, индеец в белом пенджаби, молодой парень лет двадцати, забыв про свой товар, про покупателей, вскочил ногами на лежавший рядом с прилавком пустой ящик из-под яблок и вытянул шею, пытаясь разглядеть в толпе Мастера. Видимо, это ему удалось. Потому что секунду спустя он перепрыгнул через стойку.

Полученные от клиента рупии упали из разжавшегося кулака на прилавок.

«Гуруджи! Гуруджи!» – ликуя закричал паренек, метнулся сначала влево, потом вправо и смешался с толпой, обступившей входящего на территорию столовой Шри Шри Рави Шанкара.

Я не знаю, когда он вернулся, что стало с оставленной без присмотра кассой, товаром.

А впрочем, что с ними могло стать?

7. Нтаса и Ямини

Наташа облюбовала для себя место на сатсанге в наиболее оживленной части Ягнашала мантапа, там, где в основном собирается местное население. Она принесла с собой массу различных сладостей, игрушек и довольно скоро раздала все эти сокровища обступившим ее детям, сразу став их всеобщей любимицей.

Какое-то время они крутились вокруг нее, одаряя улыбками, с обожанием прикасаясь руками и даже щечками к ее нежному шелковому сари. Потом часть детей вернулась к родителям, а наиболее шустрые забрались на массивные опорные конструкции, чтобы с высоты наблюдать за всем происходящим в зале.

¹⁴ «Наваратри» – в переводе с санскрита означает «девять ночей». В ходе этого праздника, продолжающегося десять дней и девять ночей, индусты поклоняются девяти женским формам Бога.

Среди «шустрых» была и смуглая до черноты пятилетняя Ямини в расшитом бисером розовом платье.

Температура сатсанга нарастала. В какой-то момент Наташа вдруг распустила свои белокурые волосы и закружилась в танце.

И тут сверху раздался пронзительный детский крик: – Нтаса! Нтаса!

Наташа поняла, что это зовут ее, запрокинула голову вверх и увидела тянущиеся к ней детские ручки. Ямини тоже хотела танцевать, но умудрившись забраться на самую высокую балку конструкции, уже не могла самостоятельно спуститься вниз. Она что-то быстро с жаром говорила Наташе на своем языке, но лучше всяких слов за нее говорили ее выразительные умоляющие глаза и крупные слезы, градом катившиеся по смуглым щечкам.

Наташа беспомощно оглянулась по сторонам – в шелковом тонком сари карабкаться за девочкой вверх по металлическим конструкциям она не могла, но эти глаза, эти слезы...

Положение спасли два паренька индийца. Один взметнулся вверх по наклонной балке, осторожно взял Ямини под мышки и, свесившись головой вниз, протянул ее вниз своему напарнику. Тот подхватил и бережно поставил девочку перед Наташей.

– Нтаса... – произнесла Ямини, с восхищением и мольбой глядя в глаза своего кумира.

Наташа нагнулась, крепко обняла девочку, прижалась щекой к ее щеке. Потом, выпрямившись, погладила по темным волосам и протянула ей обе руки.

Ямини с восторгом вложила в них свои маленькие ладошки. Слезы моментально высохли, лицо засияло улыбкой.

Взявшись крепко за руки, кружась и раскачиваясь в такт музыке, они смешались с разноцветной толпой танцующих и поющих индусов.

Рассказы

Гудок (полусны)

I

До отправления поезда оставались считанные минуты. Понкин быстрыми шагами пересек по диагонали привокзальную площадь, взбежал по лесенке на перрон, на секунду остановился перед мусорной урной, сделал пару быстрых затяжек, поперхнулся дымом и уже собиравшись швырнуть недокуренную сигарету в урну, как вдруг услышал:

– Не торопись, касатик, оставь покурить.

Тотчас вслед за голосом откуда-то из толпы отъезжающих материализовалась невысокого роста, но весьма пышнотелая цыганка.

Понкин сделал ей шаг навстречу и протянул окурок.

– Спасибо, дорогой, – гортанно поблагодарила женщина, поднося чинарик к губам. – Ты такой добрый. Доброта в наше время редкостью стала. Давай я тебе бесплатно погадаю. Век благодарить цыганку будешь...

– Некогда, некогда... На поезд опаздываю, – заторопился Понкин, норовя проскользнуть мимо непрощенной благодетельницы.

– Какое «опаздываю», касатик, разуй глаза: еще двадцать минут до отхода, а ты почти перед вагоном стоишь.

Понкин поднял голову вверх, обернулся в сторону висящих у входа на перрон часов.

Они показывали без пятнадцати одиннадцать. До отхода поезда, действительно, оставалось двадцать минут.

«Чертовщина какая-то», – подумал он, но потом сообразил, что, скорее всего, в троллейбусе, когда смотрел на часы, перепутал минутную стрелку с часовой. Такое и раньше с ним случалось.

– Давай, касатик, ручку. Все, что было, все, что будет, – ничего не утаю, – теребила его гадалка за рукав плаща.

– Не верю я гаданиям. Не верю, – Понкин потянул руку к себе, стараясь освободиться от прилипчивой женщины, но та послушно, вслед за рукой, потянулась к Понкину, встала вплотную, почти упираясь в него своим огромным животом и запричитала:

– Ой ли «не верю», ой ли «не верю»...

– Не верю, и все тут, – оборвал Понкин ее причитания.

– Что-ж, насильно милой не будешь, – меняя тон, уступила ему цыганка и, сделав страдальческое лицо, попросила: – Дай ребеночку две копейки по телефону позвонить. У его сестры жар, совсем девочке плохо, врача вызывать надо.

Невесть откуда рядом с ними вдруг материализовался чумазый пацаненок в рваных на босу ногу сандалиях и, хлюпая носом, просительно вытянул ладонь.

Понкин раздраженно достал портмоне (Ох, не надо было ему этого делать!), порывшись, нашел две копейки и протянул их мальчишке.

Пацаненок так же внезапно, как появился, так же и пропал с зажатой в кулак двушкой – будто языком его слизали.

– Вот спасибо, касатик, вот спасибо. Ах, какие у тебя интересные линии! – затараторила гадалка, перехватывая руку Понкина. – Судьба тебя, касатик, ждет необычная!

Он легонько попытался высвободить ладонь, но цыганка мягко удержала ее и заговорила еще быстрее:

– Что ты, что ты! Никак боишься чего – не надо мне твоих денег, бесплатно гадаю. Ах, вижу: поманит тебя скоро за собой женщина неземной красоты. Коль откликнешься, то все, о чем мечтать будешь, получишь сполна. Богатым станешь...

– Да уж куда мне...

– Что ты, касатик, разве тот богат, у кого деньги? Богат тот, кому желать больше нечего...

– Я опаздываю на поезд...

– А женщина будет такая, что другой не сыскать. Даже и смотреть после нее на других не захочешь. Все с ней забудешь и все иметь будешь сполна. Не будет у тебя ни суеты, ни забот, ни страданий...

Понкин снова попытался высвободить руку.

– Все, касатик, пару слов только еще и скажу, – успокоила его гадалка, – положи на ладонь бумажку, чтобы закрепить сказанное.

Порывшись в карманах брюк, Понкин протянул ей затерявшийся в складках ткани трамвайный билет.

– Нет, нет. Для гадания нужна денежка. Только для гадания.

Он в досаде снова открыл портмоне и достал из него рубль.

– Доставай красненькую, касатик, вон она у тебя сбоку выглядывает. Вернее будет, а мне самой от тебя ничего не надо – и так с лихвой все, что хотела, получила.

Понкин послушно положил себе на ладонь десять рублей.

Цыганка что-то пошептала над червонцем и резко дунула.

Десятка исчезла.

– А, гори все синим пламенем! Ни тебе, ни мне, касатик. Можешь забыть все, что я наговорила. Время придет – само все всплывет в голове и в сердце. Одно запомни – выбор всегда за тобой. Да беги скорей, а то поезд уйдет.

Понкин был шокирован той артистичностью, с которой у него выманили деньги, но качать свои права было поздно – вагон уже медленно начал ползти вдоль перрона.

Прощай, червонец...

II

Начавшийся со сплошных неудач день заканчивался. Расшвыривая по сторонам тьму ночи, тепловоз тянул за собой ядовито-зеленую ленту вагонов. Понкину не спалось. Мимо вагонного окна с шумом пролетели арки железнодорожного моста, потом со звоном выскочил шлагбаум, мелькнул желтый огонек обходчика, и тут же, убегая назад, все поглотилось мглой.

Понкину редко приходилось ездить поездом на большие расстояния, и теперь он чувствовал себя неуютно в переполненном плацкарте. Бесконечное покачивание вагона, стук колес, хлопки тамбурных дверей, перешептывание пассажиров в соседнем купе – все действовало раздражающе. Спать было невозможно. Лежа на верхней полке, он ворочался с боку на бок, но так и не мог найти удобного для тела положения. Наконец, изрядно намучившись, удалось сомкнуть отяжелевшие веки и зависнуть где-то посередине между сном и явью.

В голове замельтешили чьи-то лица, обрывки разговоров... Причудливо переплетаясь, они ткали ковер полуснов.

Вот он в вестибюле института просит у заведующего перенести отпуск с августа на июль так, чтобы совпало с отпуском жены. В разговор вмешивается главный инженер и до хрипоты

в горле доказывает, что в вагоне-ресторане курица недоваренная. Заведующий начинает кричать, что это система во всем виновата.

Рядом с ними какой-то голос убеждает:

– Нет, вы все меня не уважаете!

Понкин открыл глаза.

– Тише ты, тише. Все тебя уважают. Видишь, люди спят? – успокаивали в другом конце вагона разбушевавшегося пассажира.

Хлопнула дверь тамбура, пьяного буяна куда-то увели.

В соседнем купе снова зашептались о курице.

Понкин перевернулся на спину.

Как же все вокруг мерзко и отвратно – и этот поезд, и вся эта командировка. Ладно бы еще куда поближе к цивилизации направили, а то в захолустный Н-ск. И ведь не открутиться было. Плевать им на человека со всеми его проблемами, потребностями, желаниями. Плевать, что у него трое детей и с женой не все ясно – без конца какие-то недомолвки, секреты.

Образы детей и Маши незаметно оттеснили в сторону мысли о работе. Вот они всей вместе в выходной день собрались в гостиной. Двое старших сидят друг напротив друга за шахматной доской, а младшую, Иришку, жена учит играть на пианино. Ее пальцы мягко бегают по клавишам.

И как это раньше его могли раздражать этюды Черни? Сейчас они звучали приглушенно и мягко. Понкин обрадовался было, что окутываясь теплой истомой, тело наконец погружается в блаженную невесомость сна. Но тотчас откуда-то издалека, гиперболически расширяясь, к самому его уху придвинулись толстые мясистые губы Матвеева и зашептали:

«Твоя жена опять возле метро с Киндиновым разговаривала. Веселые такие, улыбаются оба...»

И сразу, заслонив Матвеева, среди сутолоки метро появилась Маша. Но это была уже не та Маша, которая разучивала с Иришкой этюды. Маша в метро не улыбалась, как та, домашняя. Эта Маша была злая и развратная. Обхватив обеими руками голову Киндинова, она страстно целовала его глаза, лоб, губы... Ее разгоряченное тело плотно прижималось к широкой груди, бедрам этого заплывшего жиром наглеца.

«Она моя! Моя!» – пытался исторгнуть из горла крик Понкин, но ни язык, ни губы его не слушались.

Он напряг все силы, чтобы оттолкнуть Киндинова от жены, но налитые свинцом руки предательски отказывались повиноваться хозяину.

Маша и ее любовник не замечали его, не замечали толпы спящих вокруг людей, все теснее и теснее прижимаясь друг к другу.

Слезы жалости к самому себе, одинокому, обманутому, беспомощному покатались по щекам.

– Как же это? Как? Как? – спрашивал он трясущимися губами не то у Маши, не то у самого себя.

– Как? Как? Как? – перестукивали колеса поезда.

Понкин открыл глаза и некоторое время, не отдавая себе отчета в том, где он и что с ним, ошеломленно вглядывался в зеленоватый сумрак вагона, различая вдаль, перед самым выходом в тамбур, неясные силуэты Маши и страстно целующего ее ненавистного Киндинова.

– Нет, нет, это никак невозможно: трое детей, да и возраст у Маши уже за сорок. Не сорок ли два в августе будет?

Остатки сна окончательно рассеялись. Он принялся логически доказывать самому себе, что Маша совсем не такая, как ее подруги. Но перед глазами снова и снова вставала увиденная во сне картина, и ничто на свете, никакие логические построения не могли оторвать Машу от Киндинова.

Тогда он попытался разрешить возникший душевный дискомфорт по-другому. «Собственно говоря, не все ли равно, как она там себя ведет, с кем обнимается. Мы всегда жили каждый сам по себе. Да, научились избегать ссор, научились терпеть друг друга. Но это еще не любовь! Настоящей любви, так, чтобы радость и боль одного были радостью и болью другого, пожалуй, никогда и не было».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.